G3355
L 41

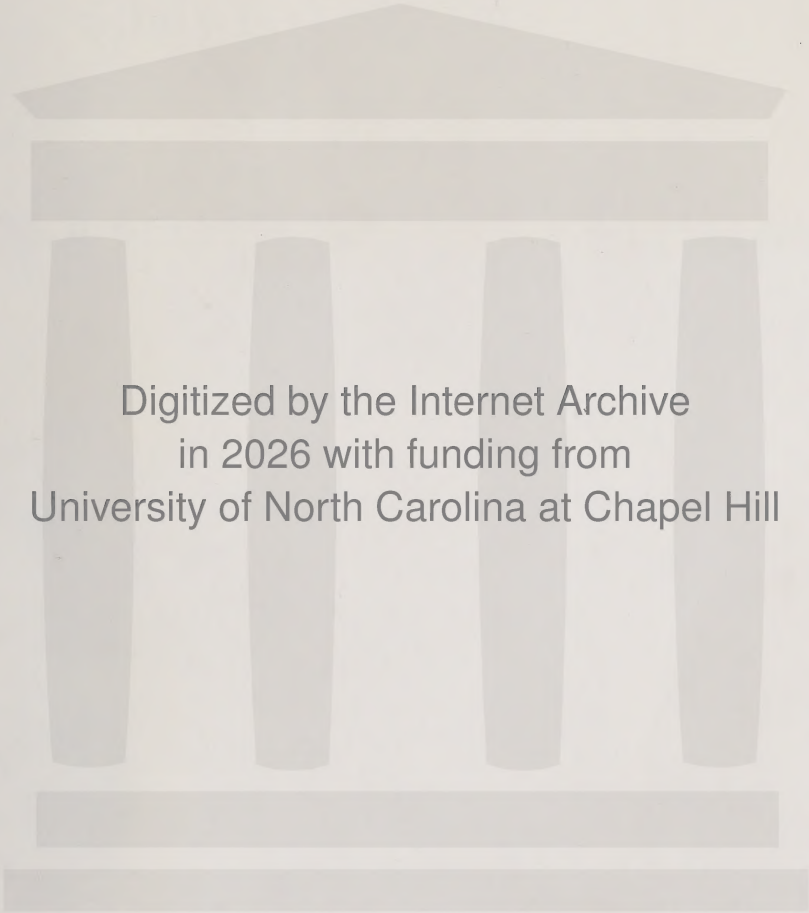
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3355
.L 41

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAR 5 1981	MAR 11 '81		


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/novootkrytyiaruk00lern

Н. О. Лернеръ.

НОВООТКРЫТЫЯ СТРАНИЦЫ ПУШКИНА.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

Многоуважаемому Семиону Афанасьевичу
Либровичу. Автор
Спб. 27-XII-909.
Н. О. Лернеръ.
PG3355
.L41

НОВООТКРЫТЫЯ

NOVOOTKRYTYIA STRANITSY PUSHKINA

СТРАНИЦЫ ПУШКИНА.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1909 г.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ*.

Новооткрытыя страницы Пушкина.

Разсказывая объ участіи Пушкина въ „Литературной Газетѣ“ барона А. А. Дельвига, біографъ великаго поэта П. В. Анненковъ отнесся къ газетнымъ статьямъ Пушкина не безъ нѣкотораго пренебреженія. „Несмотря на огромную долю остроумія, ѣдкости и ядовитаго сарказма, разточенныхъ Пушкинымъ въ эпиграммахъ, принудившихъ противниковъ его къ молчанію, вся дѣятельность его на этомъ поприщѣ разнорѣчитъ съ обыкновеннымъ изяществомъ его произведеній. Сатирическія статьи его, какъ тѣ, которыя напечатаны были въ „Телескопѣ“ 1831 г. подъ именемъ Ѳеофилакта Косичкина, не искупаютъ своей веселостью нѣкоторой жесткости въ формѣ и въ языкѣ. Спѣшимъ, однако жъ, оставить весь этотъ періодъ страсти и увлеченія... Нѣтъ никакой надобности подтверждать слова наши выписками изъ самыхъ журналовъ, начавшихъ это долгое, безполезное преніе: поводовъ къ объясненію убѣжденій и мыслей тутъ уже нѣтъ, а сказаннаго достаточно для предостереженія будущихъ писателей отъ дурного примѣра, остающагося на страницахъ исторіи литературы, какъ поученіе и какъ заслуженное наказаніе. Въ полномъ разгарѣ полемики, въ 1831 году, Пушкинъ слышалъ предостерегательныя слова, которыя, казалось, произносимы были самой мудростію: „Всякая брань безчеститъ того,

кто произноситъ ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея — презрѣніе. Въ сатирахъ Пушкина можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно для чести его разсудка—лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности".[1]) Печатая въ своемъ изданіи журнальныя статьи Пушкина, Анненковъ, не только боясь строгой николаевской цензуры, не позволявшей задѣвать Булгарина, съ которымъ воевала „Литературная Газета", но и весьма своеобразно понимая свой долгъ издателя по отношенію къ писателю, исключилъ изъ этого отдѣла[2]) нѣсколько полемическихъ статей Пушкина. Но вскорѣ Анненковъ созналъ свою ошибку. „Въ матеріалахъ для Біографіи поэта, приложенныхъ къ нашему изданію", — писалъ онъ — „изъяснены были причины, побудившія къ исключенію ихъ, но опытъ доказалъ безполезность взятаго тогда правила. Въ полемическихъ статьяхъ Пушкина, между опроверженіями мнѣній и поступковъ нѣкоторыхъ авторовъ и издателей, заключено такъ много дѣльныхъ и замѣчательныхъ мыслей, что статьи эти уже не могли ускользнуть отъ вниманія читателей, дорожащихъ сужденіями поэта, вызывали безпрестанныя указанія и ссылки журналовъ и ходили по рукамъ въ безобразныхъ спискахъ. Притомъ же болѣе 25 лѣтъ протекло со времени перваго ихъ появленія; намеки и шутки ихъ потеряли все, что было въ нихъ ѣдкаго, и онѣ остаются теперь только памятниками, принадлежащими исторіи нашей литературы, отъ которой нѣтъ, повидимому, никакой надобности и скрывать ихъ".[3]) Поэтому Анненковъ напечаталъ въ дополнительномъ томѣ выпущенныя имъ прежде статьи Пуш-

1) Сочиненія П., изд. Анненкова, т. I, Спб., 1855, „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина", стр. 252.

2) Изд. Анненкова, т. V.

3) То же изданіе, т. VII, дополнительный, II-ая пагинація, стр. 67—68.

кина, въ числѣ ихъ небольшія замѣтки (изъ №№ 36 и 45 „Литерат. Газеты“ 1830 г.), въ которыхъ видѣлъ даже „инсинуацію“ [1]). Къ тому же дополнительный томъ прошелъ черезъ цензуру уже въ 1857 г., когда ослабѣли цензурные тиски, и никому уже не былъ страшенъ Булгаринъ, противъ котораго преимущественно направлялъ Пушкинъ свои полемическія стрѣлы. Такимъ образомъ, въ анненковское изданіе вошелъ тотъ отдѣлъ статей Пушкина въ „Литературной Газетѣ“, который съ тѣхъ поръ воспроизводится другими издателями безъ всякихъ прибавленій. Всѣхъ ихъ шестнадцать, и число ихъ со временъ Анненкова не увеличилось. Е. И. Якушкинъ находилъ, что въ изданіе Анненкова „вошли всѣ журнальныя статьи Пушкина“ [2]).

Между тѣмъ ихъ больше. Анненковъ самъ не считалъ свое изданіе въ этомъ отношеніи полнымъ. „Много отдѣльныхъ замѣтокъ“, — говоритъ онъ, — „мѣткихъ, исполненныхъ остроумія, было помѣщено на листкахъ газеты, но мы уже не можемъ указать ихъ читателямъ. Онѣ не были имъ подписаны и не сохранились, къ сожалѣнію, въ рукописяхъ поэта, а завѣренія и свидѣтельства его друзей, какъ преданія словесныя, не придаютъ дѣлу той юридической достовѣрности, которая необходима для опредѣленія литературной собственности“ [3]). „А. С. Пушкинъ весьма много писалъ для газеты, издававшейся однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, но большая часть статей этихъ не сохранилась въ черновыхъ бумагахъ и такимъ образомъ не можетъ быть признана за нимъ съ достовѣрностью, хотя въ нѣкоторыхъ, преимущественно мелкихъ критическихъ замѣткахъ, рука его чувствуется

---

1) „Общественные идеалы А. С. Пушкина“—„Вѣстн. Европы“ 1880 г., іюнь, 600.

2) „Библіографич. Записки“ 1859 г., № 6, ст. 147.

3) „Матеріалы“, 250—251.

довольно ясно. Такими замѣтками исполнены №№ 1, 3, 10, 20 газеты“ [1]). Объ анонимныхъ замѣткахъ Пушкина въ „Литературной Газетѣ“ зналъ В. П. Гаевскій, у котораго въ рукахъ были бумаги Дельвига, издававшаго эту газету; глухо указываетъ Гаевскій [2]), что „мелкія статьи „Литературной Газеты“ (№№ 40, 43, 45 и проч.) составлялись нерѣдко и при участіи Пушкина“.

Показанія Анненкова и Гаевскаго заставили насъ внимательно пересмотрѣть всю „Литературную Газету“. Въ 1-мъ № ея весь отдѣлъ „Смѣсь“ занятъ двумя замѣтками, одна изъ которыхъ, „Въ концѣ изтекшаго года“... (о некрологіи генерала Н. Н. Раевскаго), уже давно печатается въ собраніяхъ сочиненій Пушкина, другая же, какъ мы устанавливаемъ ниже, тоже принадлежитъ Пушкину. Помѣщенная въ № 3-мъ, единственная въ отдѣлѣ „Смѣси“, замѣтка „Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ“... также давно получила мѣсто въ собраніяхъ произведеній Пушкина и въ его авторствѣ никакихъ сомнѣній не вызываетъ. Изъ четырехъ неподписанныхъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ томъ же отдѣлѣ 10-го №, будто бы „исполненнаго“ замѣтками Пушкина, одна; „Нѣкоторые журналы, обвиненные“... давно признана пушкинской; что же касается до прочихъ трехъ, то приписывать ихъ Пушкину невозможно. „Острая шутка не есть окончательный приговоръ. *** сказалъ, что у насъ есть три исторіи Россіи: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья для *гостинаго* двора“, — такова первая. Пушкинъ былъ очень дурного мнѣнія объ „Исторіи Русскаго народа“ Н. А. Полевого, но слишкомъ высокаго объ „Исторіи Государства Россійскаго“, чтобы воспроизводить, да еще съ такимъ слабымъ возраженіемъ, чью-то плоскую, а вовсе не ост-

1) Сочин., изд. Анненкова, V, 633.

2) „Дельвигъ“, статья 4-ая, — „Современникъ“ 1854 г., т. XLVII, критика, стр. 41, 42.

рую шутку, гдѣ трудъ Карамзина названъ книгой „для гостиной“ [1]). Другая („Произхожденіе народной поговорки“) есть незначительная выдержка изъ недавно появившейся книги Лелевеля. По-польски Пушкинъ читалъ и перевести нѣсколько строкъ изъ Лелевеля могъ [2]), но, вѣрнѣе, вторая замѣтка принадлежитъ Вяземскому, всегда интересовавшемуся польскими политическими и литературными дѣлами. Третья, о памятникѣ Данте, относится къ той „черной“ газетной работѣ, которую исполнялъ ближайшій сотрудникъ Дельвига по изданію О. М. Сомовъ, и которою Пушкинъ никогда не занимался. Въ 20-мъ №(„Смѣсь“) Пушкину принадлежатъ двѣ замѣтки, не вызывающія никакихъ сомнѣній: „Въ одномъ изъ нумеровъ Литературной Газеты“... и „Требуетъ ли публика“...; что же касается до третьей, написанной Дельвигомъ, то въ составленіи ея, какъ можно думать, Пушкинъ принялъ нѣкоторое участіе. Двѣ библіографическія замѣтки, помѣщенныя въ 40-мъ №, нисколько не напоминаютъ Пушкина, и непонятно, почему Гаевскій даже косвенно связалъ ихъ съ его именемъ. Изъ напечатанныхъ въ 43-мъ № двухъ замѣтокъ вторая, содержащая простое библіографическое извѣщеніе о двухъ новыхъ польскихъ книгахъ, не можетъ быть приписана Пушкину, а первая, вѣроятно, дѣйствительно принадлежитъ ему. „Смѣсь“ 45-го № состоитъ изъ пяти замѣтокъ, изъ которыхъ несомнѣнно принадлежитъ Пушкину только вторая: „Новыя выходки противу такъ называемой литературной аристократіи“..., вошедшая еще въ анненковское изданіе. Въ первой содержится

---

1) П. В. Анненковъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, 123) передаетъ, что „Исторію“ Карамзина многіе называли „придворной исторіей“.

2) Переводы изъ Мицкевича — „Воевода“, „Будрысъ и его сыновья“, начало „Конрада Валленрода“; въ черновыхъ бумагахъ Пушкина нашлись записанныя имъ копіи стиховъ Мицкевича („Русск. Стар.“ 1884 г., августъ, 329).

краткое извѣщеніе о смерти А. Ѳ. Мерзлякова; третья и четвертая написаны Дельвигомъ, въ сборникѣ сочиненій котораго и напечатаны, а пятая, направленная противъ Булгарина, авторъ которой точно неизвѣстенъ, не можетъ быть приписана всецѣло Пушкину въ виду отсутствія болѣе или менѣе серезныхъ данныхъ, но въ составленіи ея Пушкинъ вѣроятно принималъ участіе. Хотя Пушкинъ и обѣщалъ въ началѣ 1830 г. дѣятельно участвовать въ газетѣ, такъ что И. В. Кирѣевскій[1]) даже думалъ, что „большая часть статей въ ней будетъ писана Пушкинымъ“, но написалъ немного. Едва ли есть возможность еще болѣе увеличить списокъ статей „Литературной Газеты“, написанныхъ Пушкинымъ или носящихъ признаки его участія.

Нѣсколько замѣтокъ, извлекаемыхъ изъ „Литерат. Газеты“ 1830 г. и могущихъ быть съ большимъ или меньшимъ основаніемъ приписанными Пушкину, мы и предлагаемъ вниманію читателей.

II.

Первую находимъ въ первомъ же № „Литературной Газеты“, 1 января (цензурное дозволеніе 30 декабря 1829 г.), стр. 8, въ отдѣлѣ „Смѣсь“.

«Князь Вяземскій перевелъ и скоро напечатаетъ славный романъ Бенж. Констана. *Адольфъ* принадлежитъ къ числу *двухъ или трехъ романовъ*,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,

1) „Русс. Архивъ“ 1906 г., III, 586.

Мечтаньямъ преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ (*).

Бенж. Констанъ первый вывелъ на сцену сей характеръ, въ послѣдствіи обнародованный геніемъ Лорда Байрона. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія сей книги. Любопытно видѣть, какимъ образомъ опытное и живое перо Кн. Вяземскаго побѣдило трудность метафизическаго языка, всегда стройнаго, свѣтскаго, часто вдохновеннаго. Въ семъ отношеніи, переводъ будетъ истиннымъ созданіемъ и важнымъ событіемъ въ Исторіи нашей Литературы».

За принадлежность этой замѣтки перу Пушкина говоритъ не только ея языкъ, обычный важный и серьезный языкъ пушкинской прозы, не только цитата изъ VII главы „Онѣгина“, тогда еще не вышедшей въ свѣтъ[1]), но главнымъ образомъ мнѣніе Пушкина о Вяземскомъ, какъ писателѣ. „Образъ его мыслей“ — писалъ Пушкинъ М. П. Погодину[2]) — „и ихъ выраженія рѣзко оригинальны: онъ мыслитъ, сéрдитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста!“ . . . „Проза князя Вяземскаго“ — говоритъ Пушкинъ въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ — „чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли; къ счастью, онъ мыслитъ, что довольно рѣдко“ . . . Въ другой замѣткѣ[3]) Пушкинъ говоритъ: „Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто

(*) «*Евг. Онѣгинъ*, гл. VII.» [Примѣчаніе „Лит. Газеты“].

1) „Дѣла III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ“, Спб., 1906, стр. 102, 103.

2) 31 августа 1827 г.

3) „Нѣкоторые журналы, обвиненные“ . . . — „Литерат. Газета“ 1830 г., 51 февраля, № 10, стр. 81, „Смѣсь“.

не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма... (Его) произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія". Въ одномъ письмѣ къ Вяземскому Пушкинъ хвалитъ его „слогъ живой и оригинальной". Въ этомъ письмѣ [1]) мы встрѣчаемъ то же странное употребленіе, въ такомъ же смыслѣ и въ примѣненіи къ языку, слова „метафизическій": „Руской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи". У Пушкина оно попадается не разъ: „мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ, метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ" [2]); „поэтъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики" [3]). Это оригинальное и неточно передающее мысль выраженіе служитъ особенно яснымъ доводомъ въ пользу нашего предположенія, что приведенная замѣтка написана Пушкинымъ, который хотѣлъ услужить другу. Свой переводъ „Адольфа" Вяземскій посвятилъ Пушкину. „Прими мой переводъ любимаго нашего романа. Смиренный литографъ, приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника. Мы такъ часто говорили съ тобою о превосходствѣ творенія сего, что, принявшись переводить его на досугѣ въ деревнѣ, мысленно относился я къ суду твоему; въ борьбѣ, иногда довольно трудной, мысленно вопрошалъ я тебя, какъ другую совѣсть", — писалъ Вяземскій въ посвященіи.

---

1) 13 іюля 1825 г.
2) Сочин. П., изд. Литерат. фонда, V, 19, 29.
3) Тамъ же, 154.

III.

Не безъ основанія можетъ быть приписана Пушкину сатирическая замѣтка въ 18-мъ №, 27 марта (цензурное дозволеніе 26 марта), стр. 146, отд. „Смѣсь“.

«Кто-то замѣтилъ, что Рускія шутки выгодно пользуются правомъ давности, что чѣмъ шутка старѣе, тѣмъ она забавнѣе и однимъ словомъ, не столько шутка, сколько частое повтореніе ея смѣшитъ слушателей. Если такъ, то должно признаться, что Рускіе Журналы владѣютъ Рускою шуткою съ удивительнымъ искуствомъ. Иная шутка идетъ у нихъ на десять лѣтъ, переходитъ въ журнальномъ мірѣ изъ одного поколѣнія въ другое и примѣняется, смотря по обстоятельствамъ, къ разнымъ лицамъ. Журналы, Журналисты, подписчики смѣняются новыми, а шутка все ведется та же. Одна изъ такихъ *нетленныхъ* шутокъ есть эпитетъ *знаменитыхъ*, приписываемый въ ироническомъ смыслѣ къ нѣкоторымъ именамъ, которыя впрочемъ, кажется, у насъ и не безъ извѣстности. Мы видѣли эту колкость въ цвѣтущей порѣ ея въ Журналахъ, которые послѣ замѣнили ее какими нибудь *Гripусье*, или другими замысловатыми вдохновеніями домашней веселости. Эта шутка, упадшая въ иномъ Журналѣ, тотчасъ была поднята съ пола другимъ, и теперь идетъ опять въ гору.»

Эта замѣтка вполнѣ въ духѣ Пушкина — и по слогу, и по тону, не говоря уже о содержаніи. „Повторенное острое слово становится глупостью“, гласитъ одно изъ его бѣглыхъ замѣчаній [1]). Когда журналисты долго травили И. В. Кирѣевскаго однимъ неудачнымъ его выраженіемъ, Пушкинъ писалъ [2]): „положимъ, все та же шутка имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль?... Малое число

1) Сочин. П., изд. Литерат. фонда, V, 164.
2) Тамъ же, 132.

любителей (литературы) вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно пробивающимся мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастія". Быть можетъ, приведенныя строки вызваны нелѣпой и беззубой выходкой „Вѣстника Европы" противъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ", по поводу которой Пушкинъ писалъ[1]) въ 1831 г.: „Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный анекдотъ: въ лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и, не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Европы найти слѣдующую шутку: „Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи — хи, хи!" Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это хи, хи показалось, видно, столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣверной Пчелѣ:

„Хи, хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc."

Прозвищемъ Грипусье въ тогдашнихъ журналахъ донимали Н. А. Полевого, который такъ передалъ французское слово gris-poussière. Пушкинъ упоминаетъ объ этомъ прозвищѣ въ статьѣ „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ" („Телескопъ" 1831 г., № 15).

---

1) Тамъ же, 131.

IV.

«Въ 39-мъ № *Сѣверной Пчелы* помѣщено окончаніе статьи о VII главѣ Онѣгина, въ которой, между прочимъ, прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, „взялъ „обильную дань *изъ* Горя отъ Ума и, *просимъ не прогнѣваться*, „*изъ другой извѣстной книги*“. Седьмая глава Евгенія Онѣгина лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотами, и никто, кромѣ Сѣверной Пчелы, не найдетъ въ описаніи Москвы заимствованій изъ Горя отъ Ума. И Грибоѣдовъ и Пушкинъ писали свои картины съ одного предмета: неминуемо и у того и у другаго должны встрѣчаться черты сходныя. Но изъ какой, просимъ не прогнѣваться, другой извѣстной книги Пушкинъ что-то похитилъ? Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою *Ивана Выжигина*, гдѣ находится странное раздѣленіе Московскаго общества на классы, въ числѣ коихъ одинъ составленъ изъ Архивныхъ юношей? Кажется, что такъ; и мы также обвинимъ Пушкина, хотя по какой-то игрѣ случая, его описаніе Москвы было написано прежде Ивана Выжигина и напечатано въ Сѣверной Пчелѣ почти за годъ до появленія сего романа. Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшимъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: *Димитрій Самозванецъ*, и сими хищеніями удачно, съ искуствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: *Борисъ Годуновъ*, хотя то же, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа Г. Булгарина.»

Эта замѣтка (№ 20, 6 апрѣля, цензурн. дозволеніе 5 апрѣля, стр. 161) носитъ признаки участія Пушкина. Предметъ ея слишкомъ близко касался Пушкина. 18 февраля 1830 г. Булгаринъ писалъ ему: „Милостивый Государь Александръ Сергѣевичь! Съ величайшимъ удив-

леніемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію Борисъ Годуновъ, переложилъ ваши стихи въ прозу и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего Романа! Александръ Сергѣевичь! Поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи (*), кромѣ отрывковъ печатныхъ, а слыхалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Въ главномъ, въ характерѣ и въ дѣйствіи, сколько могу судить по слышанному, у насъ совершенная противоположность. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ Литер. Газетѣ, что я обокралъ вашу трагедію! Что скажетъ публика? Вы должны будете доказывать. Но признаюсь, мнѣ хочется вѣрить, что Олину приснилось это! Прочтите сперва Романъ, а послѣ скажите.... Для меня непостижимо, чтобъ въ литературѣ можно было дойти до такой степени! Неужели, обработывая одинъ (т. е. по именамъ только) предметъ, надобно непремѣнно красть у другаго? У кого я что выкралъ? Какъ могъ я красть по наслышкѣ? Но я утѣшаю себя однимъ, что Олинъ говоритъ на обумъ. Не могу и не хочу вѣрить, чтобъ вы это могли думать, для чести вашей и литературы. Я составилъ себѣ такое понятіе объ васъ, что эту вѣсть причисляю къ сказкамъ и извѣщаю васъ какъ о слухѣ вредномъ для вашей репутаціи. Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есмь вашъ на вѣки Ѳ. Булгаринъ".

Косвеннымъ отвѣтомъ на письмо Булгарина и явилась приведенная замѣтка, написанная Дельвигомъ [1]), конечно, не безъ участія Пушкина, иронію котораго нетрудно узнать въ послѣднихъ строкахъ. Въ своихъ кри-

---

(*) „Въ этомъ честью увѣряю. Мнѣ разсказали содержаніе, и я, признаюсь, не соглашался во многомъ. Представлю тѣхъ, кои мнѣ разсказывали".

1) См. его Сочиненія, СПб., 1895, стр. 145.

тическихъ замѣткахъ Пушкинъ язвительно писалъ[1]): „г. Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ Ив. Выжигина, ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Борисъ Годуновъ взята изъ его романа". „Развѣ А. С. Пушкинъ" — зло писалъ поэтъ въ слѣдующемъ году[2]) — „не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)?"

V.

Есть основанія считать Пушкина авторомъ полемической замѣтки, напечатанной въ 23-мъ №, 21 апрѣля (цензурное дозволеніе 20 апрѣля), стр. 186, „Смѣсь".

«Всѣ благоразумные люди предвидѣли, что дружбѣ *Телеграфа* съ *Сыномъ Отечества* недолго сдоброваться; но никто не могъ угадать, что союзъ сей, недавно заключенный, рушится такъ скоро. Вотъ слова изъ *Сына Отечества* (№ 15, 1830 года, стран. 165), которыя, какъ бомба, пущенная въ непріятельскій станъ, возвѣстили крутой и неожиданный разрывъ перемирія: «*Нынѣ нѣкто Г-нъ Николай «Полевой, въ сочинительскомъ пылу о дарованіяхъ и знаніяхъ «своихъ возмечтавъ, первый томъ Исторіи Русскаго народа на-«печаталъ, и тамъ равномѣрно свои суесловія о происхожденіи «Руссовъ помѣстилъ*». Понимаемъ, что *Сыну Отечества*, какъ Журналу заслуженному, пользующемуся нѣкоторымъ вниманіемъ, основаннымъ покрайней мѣрѣ на правѣ давности, не возможно было изъ уваженія къ себѣ и читателямъ своимъ не сказать наконецъ искренняго мнѣнія своего о худой и незрѣлой компиляціи, изданной подъ

1) Сочиненія, изд. Литерат. фонда, V, 129.

2) „Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ".

именемъ *Исторіи Рускаго народа*; понимаемъ также въ этомъ отношеніи и совѣстливое молчаніе *Телеграфа* о романѣ: *Димитрій Самозванецъ*, которое впрочемъ, можетъ быть, также скоро разорвется нечаянною бомбой; но во всякомъ случаѣ, въ слѣдствіе правилъ, уже нѣсколько разъ изложенныхъ въ *Литературной Газетѣ*, мы не одобряемъ личностей и непристойныхъ выходокъ, хотя бы предметами оныхъ были и люди, коихъ мнѣнія и литературныя дѣйствія въ совершенномъ противорѣчіи съ нашими. Выраженіе: *нѣкто Г-нъ Николай Полевой*, есть выраженіе не литераторское, не вѣжливое. Осуждайте твореніе, но имѣйте всегда уваженіе къ лицу.»

Однако, съ равными основаніями можно приписать эту замѣтку князю П. А. Вяземскому. Оба порицали „Исторію“ Полевого, оба вели войну съ Булгаринымъ, оба высказывались печатно противъ личностей въ критикѣ. Въ одномъ изъ предыдущихъ №№ „Литературной Газеты“ Пушкинъ писалъ (№ 20) по поводу грубыхъ пріемовъ въ полемикѣ: „ужели названія *порядочнаго и здравомыслящаго* человѣка лишились въ наше время цѣны своей?“ Въ „Отрывкѣ изъ литературныхъ лѣтописей“ Пушкинъ возмущался личностями, на которыя не поскупился въ полемикѣ съ Полевымъ Каченовскій, и писалъ: „тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого“. Во второй статьѣ объ „Исторіи Русскаго народа“ (Литер. Газ.“, № 12) Пушкинъ упрекалъ Каченовскаго за „грубыя насмѣшки и ругательства“, которыми встрѣтилъ онъ книгу Полевого, и спрашивалъ: „ужели такъ трудно нашей братьѣ критикамъ сохранять хладнокровіе?“ Жалуясь на личныя выходки, иногда больно задѣвавшія поэта, Пушкинъ, какъ истинный литераторъ, черпалъ утѣшеніе въ принципіальной мысли о благахъ гласности и о высокомъ соціальномъ значеніи литературной профессіи: „нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ

они поводъ, суть важный шагъ къ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics), — къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу. Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла. Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина". [1]) Противъ личныхъ обидъ въ журнальной полемикѣ въ то время и въ той же „Литер. Газетѣ" ратовалъ, не менѣе горячо, и Вяземскій. Правда, этой замѣтки нѣтъ въ 12-томномъ собраніи его сочиненій, но въ это изданіе не вошло много его статей. Поэтому рѣшить, кому принадлежитъ замѣтка, намъ не представляется возможнымъ, и авторство Пушкина надо признать лишь въ нѣкоторой степени вѣроятнымъ.

VI.

«Сіе стихотвореніе, напечатанное въ Алманахѣ: *Подснѣжникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ Журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностію. — Здѣсь мы по-

1) Сочин. П., V, 120.

мѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное Сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.»

Приписывать Пушкину эту замѣтку, помѣщенную въ 43-мъ №, 30 іюля (цензурное дозволеніе 29 іюля), стр. 56, можно по слѣдующимъ основаніямъ. Въ началѣ ея было перепечатано извѣстное шуточное стихотвореніе Пушкина „Собраніе насѣкомыхъ“, въ которомъ колкій поэтъ задѣлъ группу литераторовъ: „они, пронзенные насквозь, рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ“. Отвѣтомъ на нее была неудачная пародія „Эпиграмма (На голосъ: *Мое собраніе насѣкомыхъ.*)“, появившаяся въ „Московскомъ Телеграфѣ“ Полевого[1]). Пародія была подписана: „Обезьянинъ“; псевдонимъ заключалъ въ себѣ грубый намекъ на некрасивую наружность Пушкина. Поэтъ вообще не переносилъ личностей, а эта выходка не могла не задѣть его особенно сильно; однажды онъ жаловался: „въ газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула“[2]). Въ пародіи „Вѣстника Европы“[3]) были беззубо обруганы лучшія произведенія Пушкина: „*Полтава* — Божія коровка, *Кавказскій Плѣнникъ* — злой паукъ; вотъ *Годуновъ* — россійскій жукъ, *Онѣгинъ* — тощая піявка, *Графъ Нулинъ* — мелкая козявка“... Иронія, которою пропитаны отзывы о

1) 1830 г., ч. 32, „Новый живописецъ общества и литературы“, № 8, стр. 135.

2) Сочиненія, V, 119.

3) 1830 г., II, 302, подпис.: „Л. С.“.

„легкомъ остроуміи“ пародіи „Вѣстника“ и „полнотѣ смысла и строгой грамматической и логической точности“ пародіи „Телеграфа“, — вполнѣ въ духѣ Пушкина. Статьи Ѳеофилакта Косичкина могутъ служить образцомъ этой ядовитой ироніи и торжественно-серьезнаго стиля. Кромѣ Пушкина, едва ли кто-нибудь изъ участниковъ „Литературной Газеты“ могъ написать эти строки, и принадлежность ихъ пушкинскому перу нельзя не считать весьма вѣроятной.

VII.

«Въ нынѣшнемъ году *Сѣверная Пчела* отличалась особенною неблагосклонностію къ Гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому. Причины сему отыскать не трудно. Г-нъ Загоскинъ издалъ романъ, коего успѣхъ могъ повредить ходу Историческаго романа Г. Булгарина. Строгій приговоръ *Димитрію Самозванцу* (См. Лит. Газ. № 14) былъ приписанъ Пушкину (*); а въ *Денницѣ* напечатано было слѣдующее мнѣніе объ Ив. Выжигинѣ:

«Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сен-«тенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность «описаній, приторность шутокъ: вотъ качества сего сочи-«ненія, качества, которыя составляютъ его достоинство, «ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той «части нашей публики, которая отъ азбуки и катихизиса «приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть «люди, которые читаютъ Выжина съ удовольствіемъ и «слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что «Выжигинъ разходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ

(*) А. С. Пушкину предлагали написать критику Историческаго романа Г. Булгарина. Онъ отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь.

[Примѣчаніе „Литерат. Газеты“].

«меня. — Мы не видимъ ихъ, точно также, какъ и тѣхъ, «которые наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ*; но «они есть, ибо и *Сонникъ*, и *Выжинъ*, и *О клопахъ* разку- «паются во всѣхъ лавкахъ.»

Кирѣевскій.

Замѣтимъ, что намъ не удалось встрѣтить ни одного порядочнаго Литератора, ни одного умнаго свѣтскаго человѣка, ни одной образованной женщины, которые бы вполнѣ не согласились съ мнѣніемъ Г. Кирѣевскаго. — Въ Allgemeine Zeitung нынѣш. года напечатана статья, въ которой Г. Булгаринъ сравненъ, какъ Авторъ, съ Стерномъ, Мерсье и многими другими извѣстными Европейскими Писателями. Сочинитель писемъ изъ Карлова можетъ быть въ слѣдствіе сего спокоенъ, видя, что заказныя похвалы скорѣе доходятъ изъ Россіи, къ иностраннымъ Журналистамъ, чѣмъ мнѣнія путешествующихъ Литераторовъ. (См. 2-е письмо изъ Карлова, напечатанное въ 94 № Сѣвер. Пчелы).»

Эта замѣтка, появившаяся въ 45 №, 9 августа (ценз. дозвол. 8 августа), „Смѣсь“, стр. 72, едва ли могла появиться безъ участія Пушкина, который, къ тому же, находился тогда въ Петербургѣ, гдѣ издавалась „Литературная Газета“. О „Юріи Милославскомъ“ писалъ Пушкинъ (№ 5 „Литер. Газеты“). Взбѣсившая Булгарина рецензія на его „Димитрія Самозванца“ была написана Дельвигомъ. Она особенно обострила отношенія между „Сѣверной Пчелой“ и „Литературной Газетой“. Задѣлъ Булгарина и И. В. Кирѣевскій въ „Денницѣ“ на 1830 г. „Молодой Кирѣевскій“—писалъ Пушкинъ[1])—„въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: „древняя муза его покрывается иногда душе-

1) Сочиненія, V, 131—132.

грѣйкою новѣйшаго унынія". Выраженіе, конечно, смѣшное[1]). Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику". Конечно, „рвалъ душегрѣйку" Кирѣевскаго и Булгаринъ. Въ 94 № „Сѣверной Пчелы", 7 августа, Булгаринъ помѣстилъ „Второе письмо изъ Карлова на Каменный островъ", въ которомъ были обруганы „нѣсколько юныхъ Россіянъ" за то, что они „выдаютъ себя за первоклассныхъ русскихъ поэтовъ, философовъ и критиковъ и всѣмъ журналистамъ обѣщаютъ сообщать извѣстія о Россіи, а болѣе о русской литературѣ. Тотъ самый почтенный критикъ, который выступилъ на поприще словесности въ нынѣшнемъ году Обозрѣніемъ Словесности, напечатаннымъ въ альманахѣ „Денница", и назвалъ моего бѣднаго Выжигина книгой одного достоинства съ сонниками и гадательными книгами, а читателей Выжигина сравнилъ съ публикой толкучаго рынка, — этотъ самый критикъ, одѣвшій музу нашего добраго издателя Литературной Газеты (мимоходомъ сказать, столь же виноватаго во вздорныхъ критикахъ сей Газеты, какъ и предъ Великимъ Моголомъ) въ душегрѣйку новѣйшаго унынія, этотъ самый почтенный критикъ наименованъ въ числѣ первыхъ сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ... Другой — авторъ писемъ изъ Италіи, помѣщаемыхъ въ Московскомъ Вѣстникѣ, и соучастникъ по изданію сего жур-

---

1) На зло ругателямъ Кирѣевскаго Н. М. Языковъ, затѣвавшій тогда альманахъ, хотѣлъ назвать свое изданіе „Душегрѣйкой" (см. „Русс. Архивъ" 1907 г., I, 90). „Пушкинъ" — писалъ Кирѣевскій — „сдѣлалъ мнѣ три короба комплиментовъ объ моей статьѣ" (письмо 15 января 1830 г. — „Русс. Архивъ" 1906 г., III, 586).

нала. Можешь себѣ представить, каково будетъ доставаться намъ въ этихъ извѣстіяхъ о русской литературѣ, и на какую степень станутъ поэты и прозаики, которыхъ издатель Московскаго Телеграфа въ шутку назвалъ знаменитыми и литературными аристократами! Не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю, что они приняли это за правду и въ отвѣтъ на это заговорили въ своемъ листкѣ о дворянствѣ! Жаль, что Мольеръ не живетъ въ наше время. Какая неоцѣненная черта для его комедіи: Мѣщанинъ въ дворянствѣ! Добрые люди, мнѣ право жаль ихъ. Какой вздоръ они вскидываютъ сами на себя. Говорятъ, что Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество Поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они), однакожъ это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы ни стиховъ“. Далѣе слѣдовалъ извѣстный „анекдотъ“ объ „американскомъ“ поэтѣ, „подражателѣ Байрона“, который объявлялъ себя потомкомъ негритянскаго принца, а между тѣмъ оказалось, что этотъ предокъ былъ простой негръ-невольникъ, купленный за бутылку рома.

Пушкинъ не остался въ долгу, и лучшимъ отвѣтомъ Булгарину была знаменитая ядовитая приписка, о „Видокѣ Фигляринѣ“, къ „Моей родословной“. Немедленнымъ же отвѣтомъ была замѣтка Пушкина: „Новыя выходки противу такъ называемой литературной аристократіи“..., помѣщенная въ томъ же № 45 „Литерат. Газеты“, гдѣ напечатана также приведенная выше замѣтка. Еще за нѣсколько лѣтъ до возникновенія этой полемики Пушкинъ удивлялся, что „путешественникъ Ансело говоритъ... о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукопи-

си“...[1]) Въ 1831 г. Пушкинъ писалъ: „г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ еще не существовавшаго Ивана Выжигина лучшимъ изъ русскихъ романовъ“. Проводя ироническую параллель между Булгаринымъ и А. А. Орловымъ, Пушкинъ говорилъ, что Орловъ „не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ“[2]).

В. П. Гаевскій[3]) указываетъ, что „Смѣсь“ № 45-го была составлена Пушкинымъ и Дельвигомъ; можетъ быть, и этотъ изслѣдователь думалъ (если не зналъ навѣрное, такъ какъ занимался бумагами Дельвига), что интересующая насъ замѣтка была написана не однимъ Дельвигомъ. Участвуя въ составленіи 45-го № „Литературной Газеты“, помѣщая въ немъ свой отвѣтъ Булгарину (о выходкахъ противъ литературной аристократіи), Пушкинъ, какъ это легко можно допустить, приложилъ руку и къ воспроизводимой нами полемической замѣткѣ, гдѣ даже приведены его собственныя слова о романѣ Булгарина. Должно думать, что небольшая редакціонная коллегія газеты въ этомъ случаѣ дѣйствовала не только не безъ санкціи, но и при непосредственномъ участіи Пушкина.

VIII.

Еще при Дельвигѣ „Литературная Газета“ стала хирѣть. Гаевскій[4]) передаетъ, что „№ 65 (ноября 17) явился только 8 декабря... Газета стала опаздывать выходомъ. Послѣдній № ея (72) вышелъ въ февралѣ

---

1) „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“.
2) „Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ“.
3) „Дельвигъ“, цитир. статья 4-ая, стр. 55.
4) Цитир. статья о Дельвигѣ, стр. 56.

1831 года“... Интриги и доносы враговъ сдѣлали свое дѣло; благонамѣреннѣйшій издатель попалъ въ неблагонадежные, и эта неудача была одной изъ причинъ его безвременной смерти. 14 января 1831 г. онъ умеръ. Пушкинъ, еще во второй половинѣ 1830 г. остывшій къ этому изданію, теперь совсѣмъ охладѣлъ [1]) къ газетѣ, перешедшей въ руки О. М. Сомова. П. А. Плетневъ предлагалъ Пушкину „взяться съ Вяземскимъ за нее“ [2]). Но Пушкинъ, какъ весьма достовѣрно предполагаетъ С. Браиловскій [3]), не могъ платить Сомову за сотрудничество, если бы взялъ на себя руководимое этимъ труженикомъ изданіе; съ своей стороны, Сомовъ не могъ хорошо платить Пушкину, для котораго вопросъ о гонорарѣ былъ не безразличенъ. А. Ѳ. Вельтману Пушкинъ обѣщалъ напечатать въ „Литер. Газетѣ“ разборъ его поэмы „Странникъ“, но не исполнилъ обѣщанія [4]). Расхолаживалъ Пушкина и Сомовъ своей неисправностью въ выпускѣ „Газеты“, которая упорно запаздывала и вообще и велась, и расходилась плохо. „Литературная Газета что-то замолкла“— писалъ Пушкинъ Вяземскому 3 августа, — „конечно, Сомовъ боленъ или подпиской недоволенъ“ [5]). „Что сдѣлалось съ Лит. Газетою?“ спрашивалъ онъ въ тотъ же день Плетнева [6]). Но „Газета“ приказала долго жить: она остановилась на 37-мъ №, помѣченномъ 30 іюня (но дозволенномъ цензурой 4 іюля). За подписью Пушкина мы находимъ въ „Литературной Газетѣ“ 1831 г. только сонетъ

---

1) Впослѣдствіи онъ объявлялъ, что его „Современникъ“ „по духу своей критики, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ Литературной Газеты“ („Современникъ“, т. III, стр. 331).

2) Переписка Пушкина, изд. Академіи наукъ, II, 225.

3) „Пушкинъ и его современники“, вып. XI, стр. 98.

4) Переписка П., II, 244; (см. сборникъ Л. Майкова „Пушкинъ“, Спб., 1899, стр. 131, 135).

5) Тамъ же, 296.

6) Тамъ же, 298.

„Мадонна“, помѣщенный въ 15-мъ №, 12 марта. Но въ томъ же году Пушкинъ напечаталъ въ „Литературной Газетѣ“ одну изъ своихъ крупнѣйшихъ и наиболѣе значительныхъ по смыслу журнальныхъ статей. Статья эта до сихъ поръ не включена ни въ одно собраніе произведеній Пушкина.

Единственное и мимолетное упоминаніе о ней мы нашли въ „Матеріалахъ“ Анненкова[1]): „Литературная Газета 1830 и 1831 года заключаетъ двѣ статьи, подписанныя буквою: Р, какой были подписаны впослѣдствіи: Скупой Рыцарь Пушкина и Пиковая Дама. Первая статья есть разборъ Исторіи Русскаго народа г. Полеваго (Лит. Газ. 1830, № 4). Вторая есть рецензія произведеній С. Бева: *Vie, poésies et pensées de J. Delorme* и *Les consolations* (Лит. Газ. 1831, № 32). Мы не приписываемъ ихъ Пушкину, не имѣя для этого никакихъ данныхъ, но находимъ въ нихъ сходство съ его образомъ мыслей“. Первую статью, о Полевомъ, Анненковъ самъ напечаталъ въ дополнительномъ томѣ своего изданія сочиненій Пушкина. Что касается до второй статьи, о С.-Бевѣ, то приходится удивляться, почему Анненковъ, остановившись на ея „сходствѣ съ образомъ мыслей“ Пушкина, не рѣшился категорически признать ее пушкинской и внести въ свое изданіе, — до такой степени ясна принадлежность ея перу великаго писателя. Статья о С.-Бевѣ помѣщена въ 32-мъ № „Литерат. Газеты“, 5 іюня (цензурное дозволеніе 4 іюня), стр. 258—261. Воспроизводимъ ее со всею точностью.

---

1) Цитиров. изданіе, стр. 298, примѣч.

Библіографія.

Иностранная литература.

Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. (*Жизнь, стихотворенія и мысли Іосифа Делорма*). — Парижъ, 1829. (I. т. въ 16-ю д. л.)

Les consolations, poésies, par Sainte-Beuve. (*Утѣшенія.* Стихотворенія Сент-Бёва). — Парижъ, 1830. (I томъ въ 18-ю д. л.)

Года два тому назадъ, книжка, вышедшая въ свѣтъ подъ заглавіемъ, Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя въ Парижѣ вниманіе Критиковъ и публики. Вмѣсто предисловія, романическимъ слогомъ описана была жизнь бѣднаго молодаго Поэта, умершаго, какъ увѣряли, въ нищетѣ и неизвѣстности. Друзья покойника предлагали публикѣ стихи и мысли, найденныя въ его бумагахъ, извиняя недостатки ихъ и заблужденія самого Делорма его молодостію, болѣзненнымъ состояніемъ души и физическими страданіями. Въ стихахъ оказывался необыкновенный талантъ, ярко отсвѣченный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда, ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной на произволъ страстей, не были высказаны съ такой разочарованностію. Смотря на ручей, осѣненный темными вѣтвями деревъ, Делормъ думаетъ о самоубійствѣ, и вотъ какимъ образомъ:

Pour qui veut se noyer la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,
Et, comme pour un bain à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;

Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux voeu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un coeur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés:
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux mois,
Peut-être un an après, un jour... une soirée,
Quelque pâtre inquiet d'une chèvre égarée,
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Éclairera ce corps d'une lueur blafarde,
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit,
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mélant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront long-temps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vite on clouera le tout dans quelque vieille bière,
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois!

У друга его, Виктора Гюго, рождается сынъ; Делормъ его привѣтствуетъ:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encor; le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûté quelque plainte à sa mère.
Il est nuit; je vous vois.... A doux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,
Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Recueilli dans vous-même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère, et le frère et la soeur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre coeur se fond,
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L' aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norwège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un inneffable amour!

— Moi, pendant ce temps là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.
C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ses nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m' y suis assis dès neuf heures du soir.
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles
Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps

Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux
bras.
Oh! si, du moins,, ce mort m'avait durant sa vie
Été long-temps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit!.... ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre,
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrase l'horizon,
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l' incendie.

Между сими болѣзненными признаніями, сими мечтами печальныхъ слабостей и безвкусными подражаніями давно осмѣянной поэзіи стараго Ронсара, мы съ изумленіемъ находимъ стихотворенія, исполненныя свѣжести и чистоты. Съ какой меланхолической прелестію описываетъ онъ, напримѣръ, свою Музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la vox sémillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fèe à l'aile blanche et bleue,
Ces deux rivales soeurs, dès qu'il a dit *oui*,

Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Murse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes féodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre épanche avec des pleurs
L' hymne mélodieux de ses nobles malheurs.

Non. — Mais quand seule au bois votre douleur chemine,
Avez-vous vu là-bas, dans un fond, la chaumine
Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peût-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête.
Elle eût pu, comme une autre, en de plus heureux jours
S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfum et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle:
Elle file, elle coud, et garde a la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison.

Правда, что сію прелестную картину оканчиваетъ онъ медицинскимъ описаніемъ чахотки; Муза его харкаетъ кровью:

. . . . . une toux déchirante
La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri,
Et lance les graviers de son poumon meurtri.

Совершеннѣйшимъ стихотвореніемъ изо всего собранія, по нашему мнѣнію, можно почесть слѣдующую элегію, достойную стать на ряду съ лучшими произведеніями Андрея Шенье.

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
Et quand ses jeunes soeurs couraient sur le gazon,
Elle était la première a leur rappeler l'heure,
A dire qu' il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
Qu'il etait défendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses soeurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein voilé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant;
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble.
Le devoir l'animait d'une grave ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;

Qu'elle était fille aînée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce coeur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants,
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices
De l'amour dans les coeurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère, elle lui disait *vous*.
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un coeur éprouvé lui contât un chagrin,
A l'instans se voilait son visage serein:
Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère.
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encor raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère;
Son époux déjà mûr serait pour elle un père;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a réglé sa vie.... Il est beau de la voir
Libre de son ménage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseoit à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage,
D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car il savent qu'il vont au rivage éternel.

Et moi qui vois couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,
Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe à mes longs jours passés avec vitesse,
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir,
Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir!

Публика и Критики горевали о преждевременной кончинѣ таланта, столь много обѣщавшаго, какъ вдругъ узнали, что покойникъ живъ и, слава Богу, здоровъ. Сентъ-Бёвъ, извѣстный уже *Исторіей Французской Словесности въ XVI столѣтіи* и ученымъ изданіемъ Ронсара, вздумалъ подъ вымышленнымъ именемъ І. Делорма напечатать первые свои поэтическіе опыты, вѣроятно, опасаясь нареканій и строгости нравственной цензуры. Мистификація, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успѣху его стихотвореній; однако жь новая школа съ восторгомъ признала и присвоила себѣ новаго собрата.

Въ *Мысляхъ* І. Делорма изложены его мнѣнія касательно Французскаго стихосложенія. Критики хвалили вѣрность, ученость и новизну сихъ замѣчаній. Намъ показалось, что Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой *романтической* школы Французскихъ Писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п. Все это хорошо; но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества. Нѣтъ сомнѣнія, что стихосложеніе Французское самое своенравное, и смѣю сказать, неосновательное. Чѣмъ, на примѣръ, оправдаете вы изключенія

гіатуса (hiatus), который Французскимъ ушамъ такъ нестерпимъ въ соединеніи двухъ словъ (какъ: *a été, où aller)* и котораго они же ищутъ для гармоніи собственныхъ именъ: Zaïre, Aglaë, Eléonore. Замѣтимъ мимоходомъ, что закономъ о *гіатусѣ* одолжены Французы Латинскому *эллизіуму*. По свойству Латинскаго стихосложенія, слово, кончащееся на гласную, теряетъ ее передъ другою гласною.

Буало замѣнилъ сіе правило закономъ объ гіатусѣ:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée.

Во вторыхъ: какъ можно вѣчно рифмовать для глазъ, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться въ числѣ (единственномъ или множественномъ), когда произношеніе въ томъ и въ другомъ одинаково? Однако жь нововводители всего этого еще не коснулись; покушенія же ихъ едва ли счастливы.

Въ прошломъ году Сентъ-Бёвъ выдалъ еще томъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Les Consolations.* Въ нихъ Делормъ является исправленнымъ совѣтами пріятелей, людей степенныхъ и нравственныхъ. Уже онъ не отвергаетъ отчаянно утѣшеній религіи, но только тихо сомнѣвается; уже онъ не ходитъ къ Розѣ, но признается иногда въ порочныхъ вожделѣніяхъ. Слогъ его также перебѣсился. Словомъ сказать, и вкусъ и нравственность должны быть имъ довольны. Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ.

Къ несчастію должны мы признаться, что радуясь перемѣнѣ человѣка, мы сожалѣемъ о Поэтѣ. Бѣдный Делормъ обладалъ свойствомъ чрезвычайно важнымъ, недостающимъ почти всѣмъ Французскимъ Поэтамъ новѣйшаго поколѣнія, свойствомъ, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи, т. е. *искренностію вдохновенія.* Нынѣ Фран-

цузскій Поэтъ систематически сказалъ себѣ: *soyons réligieux, soyons politiques,* а иной даже: *soyons extravagants*, и холодъ предначертанія, натяжка, принужденность отзываются во всякомъ его твореніи, гдѣ никогда не видимъ движенія минутнаго, вольнаго чувства, словомъ: гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія. Сохрани насъ Боже быть поборниками безнравственности въ Поэзіи (разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты)! Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастіе и величіе человѣческое, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, возпалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безнравственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безнравственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя....

Р.

Сомнѣваться въ авторствѣ Пушкина нельзя. Объ этой-то статьѣ и упоминаетъ Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ 1831 г. Поэтъ писалъ 11 апрѣля, изъ Москвы, П. А. Плетневу: „Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо... Скажи ему, что Делорма я самъ ему привезу, потому и не посылаю“... [1]). Письмо Сомова, въ которомъ онъ, вѣроятно, просилъ Пушкина прислать обѣщанную поэтомъ статью, до насъ не дошло. Пушкинъ пріѣхалъ изъ Москвы

1) Переписка П., II, 235 — 236; „Vie, poésies et pensées“ оказалась въ библіотекѣ Пушкина въ двухъ изданіяхъ (сообщеніе Б. Л. Модзалевскаго).

въ Петербургъ во второй половинѣ мая, и въ началѣ іюня статья уже появилась въ печати.

Считаемъ нелишнимъ снабдить статью нѣсколькими замѣчаніями, которыя должны съ особенной ясностью подтвердить, что авторомъ статьи о С.-Бевѣ могъ быть только Пушкинъ. Укажемъ на пушкинскія выраженія, свойственныя его стилю. Въ параллель фразѣ: „ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію“, можно привести хранящее тотъ же образъ выраженіе: „ученость, политика и философія еще по-русски не изъяснялись“ [1]). „Закономъ о *гіатусѣ* одолжены Французы Латинскому *эллизіуму*“ — „Онъ мнѣ былъ одолженъ и пѣсенъ и любви послѣднимъ вдохновеньемъ“ („Элегія“— „Умолкну скоро я“...—, 1821 г.); отмѣтимъ кстати, что Пушкинъ употребилъ несуществующій терминъ „эллизіумъ“, вмѣсто elisio. „Слогъ его перебѣсился“ — „Перебѣсилась, наконецъ, твоя проказливая лира“... („Сѣтованіе“, 1821 г.). Описаніе безмятежной семейной жизни у Делорма вызвало сочувствіе въ нашемъ поэтѣ, который, только что женившись, самъ мечталъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ „sous un ciel sans orage“. Грустныя слова Делорма, которыми заканчиваются выписанныя Пушкинымъ выдержки: „Et moi qui vois couler“... etc., должны были привести на память Пушкину его собственные стихи: „Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы... мои утраченные годы“... („Воспоминаніе“, 1828 г.). Нашъ поэтъ зналъ, какъ жгучи слезы раскаянья: „Такъ отрокъ Библіи — безумный расточитель, — до капли истощивъ раскаянья фіалъ, увидѣвъ наконецъ родимую обитель, главой поникъ и зарыдалъ!... („Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“, 1829 г.). „Въ унынѣ часто я помышлялъ о юности моей,

---

1) „О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова“.

утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ"... („Вновь я посѣтилъ"..., 1835 г.). Слова Пушкина объ отношеніи поэзіи къ нравственности, которыми кончается статья, близко, до буквальнаго мѣстами тождества, сходятся съ сказаннымъ имъ въ одной критической замѣткѣ (которой онъ не печаталъ): „Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе"[1]). По поводу появленія сказокъ Альфреда де Мюссе нашъ поэтъ писалъ, отчасти въ назиданіе русской критикѣ, что „между тѣмъ какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ", — французская критика не обрушилась на „молодого проказника... но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлію объяснить, сколь непохвально это ремесло, — и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что вѣроятно семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ, милостивые государи"...[2]). Одножды Пушкинъ за-

1) Сочиненія, V, 123.
2) Тамъ же, 139.

мѣтилъ: „Поэзія выше нравственности или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ — ихъ одна поэтическая сторона“ [1]). Смыслъ искусства Пушкинъ видѣлъ въ идеалѣ: „цѣль художества есть *идеалъ*, а не нравоученіе“, формулировалъ онъ эту мысль [2]). О свободѣ искусства отъ всякихъ внѣ его самого лежащихъ цѣлей Пушкинъ, повторяя слова А. В. Шлегеля, давно говорилъ: „Цѣль поэзіи — поэзія“, и „Думъ“ Рылѣева не одобрялъ именно за „холодъ предначертанія“, которымъ вѣетъ отъ нихъ: „Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не въ попадъ“ [3]). Ненавидя тенденцію, Пушкинъ требовалъ отъ драматическаго писателя, чтобы у него не было „никакого предразсудка, любимой мысли“ [4]). „Искренность драгоцѣнна въ поэтѣ“ [5]), писалъ Пушкинъ въ 1835—1836 гг., возвращаясь къ мысли, выраженной въ статьѣ о С.-Бевѣ, — что нѣтъ истинной поэзіи безъ искренности вдохновенія. Современную французскую поэзію Пушкинъ отвергалъ именно за отсутствіе „истиннаго вдохновенія“. Въ 1823 г. онъ писалъ, что Шенье — „истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ“, Парни — „древній“, Мильвуа — „ни то, ни се“, La Vigne — „школьникъ Вольтера и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродитъ умершую поэзію... Покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ“ [6]). Французскую литературу для которой были слишкомъ смѣлы такія слова, какъ „помостъ“ и „корова“, Пушкинъ назы-

1) Л. Н. Майковъ, „Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ“— сборн. „Пушкинъ“, стр. 279.

2) „Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности“.

3) Переписка, I, 223 (ср. отзывъ о Рылѣевѣ на стр. 308).

4) Сочиненія, V, 141.

5) „Русск. Стар.“ 1884 г., декабрь, 531.

6) Переписка, I, 83, 123; см. также Сочиненія, V, 139.

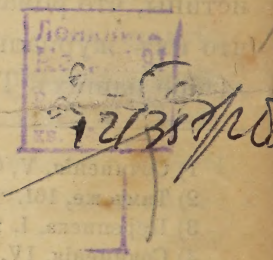
валъ „жалкой“ [1]), а французовъ — „народомъ самымъ антипоэтическимъ“. Въ Ламартинѣ, на котораго сталъ походить на убыли своего таланта Делормъ, Пушкинъ видѣлъ „тощее однообразіе, вялую безцвѣтность“ [2]); однажды, прося прислать Ламартина, Пушкинъ прибавилъ: „то-то чепуха должна быть“ [3]); какіе-то глупые стихи онъ считалъ „достойными Баркова, начитавшагося Ламартина“ [4]); смѣялся, что „подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина“ [5]). Беранже Пушкинъ вовсе не признавалъ поэтомъ, такъ какъ онъ „не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго“. Сообщая этотъ отзывъ, Анненковъ [6]) прибавляетъ: „присутствіе этихъ качествъ было такъ важно въ глазахъ Пушкина, что, предполагая ихъ въ Делормѣ, онъ считалъ произведеніе С.-Бёва чуть ли не самымъ замѣчательнымъ явленіемъ во Французской литературѣ, послѣ сочиненій Мюссе. Черта, много объясняющая и самого Пушкина какъ писателя“. Собираясь издавать газету (1832 г.), Пушкинъ хотѣлъ „уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынѣшней Французской Литературы. Сказать единожды въ слухъ что Lamartine скучнѣе Юнга, и не имѣетъ его глубины, Beranger не поэтъ [7]), что V. Hugo не имѣетъ жизни, т. е. истины, что романы A. Vigny хуже романовъ Загоскина [8]), что ихъ журналы невѣжды; что ихъ критики почти нелучше нашихъ Теле-скопскихъ и графскихъ. Я въ душѣ

1) Сочиненія, V, 60.
2) Тамъ же, 161.
3) Переписка, I, 202.
4) Сочиненія, IV, 400.
5) Переписка, I, 308.
6) Матеріалы, 298, примѣч.
7) Ср. отзывъ Пушкина о Беранже, передаваемый А. О. Смирновой (Записки, I, 158): „поэзія не народная, не почвенная, — это поэзія мелкой буржуазіи“.
8) Ср. отзывъ Пушкина о Гюго и де Виньи въ статьѣ „О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая“.

увѣренъ, что 19 вѣкъ, въ сравненіи съ 18-мъ, въ грязи (разумѣю во Франціи). Проза едва едва выкупаетъ гадость того что зовутъ они поэзіей“ [1]). Во Франціи, говорилъ поэтъ, „науки и поэзія — не цѣли, а средства“ [2]).

Въ ряду этихъ отзывовъ Пушкина о французской литературѣ не послѣднее мѣсто занимаетъ статья о Сентъ-Бёвѣ, столь важная и для общей характеристики литературныхъ взглядовъ нашего великаго поэта. Ею значительно пополняется небогатый отдѣлъ журнальныхъ статей Пушкина.

Н. Лернеръ.



1) Переписка, II, 389.
2) Сочиненія, V, 286.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00039863656